

Леонид Андреев. Покой

Оригинал находится здесь: [Библиотека. Леонид Андреев.](#)

Умирал важный, старый сановник, большой барин, любивший жизнь. Умирать ему было трудно: в Бога он не верил, зачем умирает – не понимал, и ужасался ужасом безумным. Было страшно смотреть на него, как он мучился.

Позади умирающего сановника была большая, богатая, интересная жизнь, в которой не оставались праздными сердце и мысль и получали свое удовлетворение. И устали сердце и мысль, устало все пожившее, тихо холодеющее тело. Глаза устали смотреть даже на прекрасное – насытилось зрение; и ухо стало слышать, и сама радость сделалась тяжелою для утомленного сердца. И пока был сановник на ногах, о смерти он помышлял даже с некоторым удовольствием: отдохну, по крайней мере, – думал он; перестанут целовать, уважать и ходить с докладами, – думал он с удовольствием. Да, думал... а вот когда свалился он на смертный одр, то стало невыносимо больно и ужасно до последнего ужаса.

Хотелось пожить еще, – хоть немного, хоть до будущего понедельника или, еще лучше, до среды или до четверга. Однако настоящего дня, в который он умер, он так и не узнал, хотя их всего только семь в неделе: понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота и воскресенье.

Тут-то, в этот самый неизвестный день, и пришел к сановнику черт, обыкновенный черт, каких много. В дом он вошел под видом священника, ладана и свечей, но умершему предстал во всей своей святой правде. Сановник сразу догадался, что черт пришел неспроста, и обрадовался: раз существует черт, то смерти настоящей нет, а есть какое-то бессмертие. В крайнем же случае, если нет бессмертия, то можно продлить и эту жизнь, продав душу на выгодных условиях. Это было очевидно, а от испуга совсем ясно.

Но черт имел вид усталый и недовольный, долго не начинал разговора и оглядывался брезгливо и кисло, как будто не туда попал. Это обеспокоило сановника, и он поскорее предложил черту сесть; но, и усевшись, черт продолжал глядеть все так же кисло и молчал.

"Вот они какие, – думал сановник, потихоньку разглядывая чуждое, более чем иностранное лицо посетителя. – Ну и противная же харя, Господи! Я думаю, что и там он не считается красивым".

А вслух сказал:

– А я вас не таким представлял.

– Что? – недовольно спросил черт и кисло сморщился.

– Не таким вас представлял.

– Пустяки.

Ему все это говорили при первом знакомстве, и надоело слышать одно и то же. А сановник думал: "Не предлагать же ему чаю или вина, – у него и пасть такая, что пить он не может".

– Вот вы и умерли... – начал черт лениво и скучно.

– Ну что вы! – возмутился и испугался сановник. – Я вовсе еще не умер.

– Другому скажите, – равнодушно огрызнулся черт и продолжал: – Вот вы и умерли... так что же нам теперь делать? Дело серьезное, и вообще надо же этот вопрос решить.

– Но неужели это – правда: я уже умер? – ужасался сановник. – Ведь мы же... разговариваем.

– Ну, а когда вы едете на ревизию, вы сразу попадаете в вагон? Вы еще сидите на станции.

– Так, значит, это – станция.

– Ну да. А то что же?

– Понимаю, понимаю. Значит, вот это уже не я. А где же я, то есть мое тело?

Черт неопределенно мотнул головой:

– Недалеко. Вас сейчас обмывают теплой водой.

Чиновнику стало стыдно; вспомнил некрасивые, жирные складки на пояснице, и стало еще стыднее. Он знал, что покойников обмывают женщины.

– Глупый обычай, – сказал сановник сердито.

– Ну, уж это – ваше дело, а я тут ни при чем. Но, однако, я попросил